НА ПОГОСТЕ

Коров и коз тут не пасут,
Здесь время мрамор тихо крошит,
И каждый день сюда везут
Тех, кто грешить уже не может.

Святое место. Без грехов.
Начало вечности и бездны.
А что касается стихов,
Они здесь тоже неуместны.

* * *

«И в небесах я вижу Бога».
М.Ю. Лермонтов

Когда гляжу я в небеса,
Со мной творятся чудеса:
Земля уходит из-под ног,
Нездешний веет ветерок,
Не слух, а сердце слышит весть:
«Есть бытие иное, есть!
Оно совсем недалеко».
Душе становится легко,
Нет ни сомнений в ней, ни страха,
И по-иному свищет птаха
Из гущи ближнего куста,
И вижу в небе я Христа…

* * *

«О чём писать?» – второй вопрос.
Спроси себя, поэт: «Зачем
Ты открываешь душу тем,
Кому не нужен сам Христос?»

Я не могу найти ответа,
Но, тем не менее, пишу,
Пишу невольно, как дышу.
Кто объяснить мне может это?

Не для спасенья ли души
Сказал мне ангел мой: »Пиши!»?

* * *

О листьях опавших написано много,
В Поэзию устлана ими дорога.
Опавшими листьями, а не цветами…
А вот почему так? – Подумайте сами.

РУССКИЕ В 2017 ГОДУ

И душа, и Отчизна – руины,
Путь к спасенью неверьем закрыт.
И не звёзды на нас, херувимы
Скорбно смотрят и плачут навзрыд.

Может, я ошибаюсь – дай, Боже! –
Только этой надеждой дышу.
Но как страшно на правду похоже
То, о чём я вам нынче пишу.

ЛИЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ УМА

Четыре года мне. Зима.
Летят крылатые салазки,
И нет во мне ещё ума,
Который убивает сказки,
Который счастье рвёт в куски,
Тяжёлый, скользкий, словно плаха,
Который создан из тоски,
Неверья, глупости и страха…

КАРТИНА

Отец любил картину эту…
Когда был жив, здоров и весел,
Он сам её сюда повесил…
Она висит. А папы нету.

Картину вижу каждый день:
Там лес шумит, течёт вода,
И стог отбрасывает тень.
Всё точно так же, как тогда…

Хотел картину снять, но день
Убил, не смея подступиться…
И хоть отцу не возвратиться,
Пусть лес шумит, вода струится,
И стог отбрасывает тень…

* * *

Это было так давно:
Про Чапаева кино,
Свежекрашеный штакет,
Мне всего лишь девять лет,
Даже Бога «ещё нет»…

* * *

Я в юности «пахал» на пивзаводе,
Конечно, грузчиком, конечно, пил.
И лаборантку Юлечку любил
Или… Ну, что-то в этом роде.

Конечно, бытием ту жизнь назвать нельзя.
И эту тоже, так вдруг оказалось,
Но в той остались все мои друзья,
И часть меня нехудшая осталась.

Нет, это не придуманная грусть.
Увы, не сочинённая тревога.
Ну, всё. Пойду, покуда не уткнусь
Заплаканным лицом в колени Бога.

ЕЩЁ ОДНО БОЛЬШОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Когда тебе под шестьдесят,
Не так деревья шелестят,
Земля вращается не так,
И всем мечтам цена – пятак.
И пару слов «дорога к дому»
Воспринимаешь по-другому,
Не так, как в детстве, а иначе…
Была бы дача, жил на даче,
Сгребал бы листья, жёг костры,
И были бы не так остры
Воспоминанья и виденья,
Будь на природе целый день я.
А может, глупости всё это?
И чтенье Нового Завета
Всего полезней старику?
Не знаю. Дальше волочусь,
Молясь в себе: «Изыди, грусть!»

Всё в мире сущее от Бога,
Под шестьдесят не так уж много,
И пусть не ёкает в груди:
«Что там маячит впереди?»
Маячит, значит, там маяк,
Маяк есть свет, а свет не мрак,
На этот свет надежды зыбкой
Иди и благостной улыбкой
Свети себе и для людей
И ни о чём не сожалей,
Как будто снова ты – ребёнок…

НОЧЬЮ

Страну, в которой я родился, мои дети
И внуки не увидят никогда,
Как я страну – в которой дед родился. Этим
Не мы одни «прославились» на свете,
Но всё равно печально, господа.
А может быть, товарищи? Нет. Братья.
Хотя б во сне обнять мне деда, но
Даже такой нам встречи не дано,
И ловят пустоту мои объятья,
И на душе, как в комнате, темно…

С ГОДАМИ

Пусть мне давно уже не грезится,
Пускай тусклее солнца свет,
А круче с каждым днём лишь лестница
В полурабочий кабинет.

Но знаю: главное не это,
А важно, что в житейской чаще
Я с книгой «Нового Завета»
Стал заставать себя всё чаще…

СЛОВО

Он шёл по берегу со мной
И вдруг сказал такое слово,
Что весь огромный шар земной
Душа обнять была готова.

Проснулся я: в сиянье дня
Земные вновь царят законы.
Он снова молча на меня
Глядит с прабабкиной иконы.

Я доказал бы, что не лгу,
Жаль, слово вспомнить не могу…

* * *

Душе поэта чужд покой,
Но страсти нет во мне кипучей.
Стоит за каждою строкой
Тоска по Родине могучей.

О, эта светлая тоска
И твоему знакома сердцу,
Но непонятна иноверцу
И иноземцу не близка.

…Приснится песня ямщика,
Которой, может быть, лет двести.
Проснусь, а сердце не на месте,
И обморожена щека…

СВЕТЛОЕ

Я отыскал их по приметам:
Наш старый добрый дом и двор,
Где залиты всё тем же светом
Крыльцо, тропинка и забор.
Мы всей семьёй здесь раньше жили,
Куда же все уйти решили?
Нет, я не плачу, не ропщу,
Пойду в саду их поищу,
Они, наверно, вишни рвут,
Чтоб чай зимою пить с вареньем,
И все меня, конечно, ждут
С обычным ангельским терпеньем…

МОИ СТИХИ

Стою на древнем рубеже,
Смотрю: стихи мои хромают,
Их занесло на вираже,
Их боль с досадой донимают.

Я подставляю им плечо,
Они же спрашивают строго:
«А нас уже или ещё
Никто не слышит, кроме Бога?..»

СТРОКИ

Выпал снег в конце зимы,
Вдруг сосед пришёл взаймы
Попросить деньжат, для дочки,
У неё больные почки.
Говорю, что денег нет,
Но не верит мне сосед,
Никому никто не верит.
Так, наверно, было перед
Революцией, – не знаю,
Просто так подозреваю.
Не бывает счастья, брат,
Принесённого на вилах.
В мире злобствует разврат,
И никто уже не в силах
Повернуть всё это вспять.
Всё, пора ложиться спать,
Пусть приснится мне столп света
Неземного, а внутри
Дочка младшая соседа
Вальс танцует: раз, два, три,
Раз, два, три…

* * *

Время мчится за вехою веха,
Я поэт двадцать первого века,
Но всё ж больше пишу о двадцатом
Потому, что оставил отца там,
И двух дядек, и среднего брата,
И страну, где родился когда-то, –
Где, мальчишка, я змея пускаю,
И летит высоко он, как птица…
Всё. Подробности я опускаю,
А то сердце опять разболится…